

Е. К. Созина
**ГЕОПОЭТИКА НАЦИОНАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА
 В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

doi: 10.30759/1728-9718-2020-2(67)-99-106

УДК 821.161.1

ББК83.3(2Рос=Рус)

С пространством у русского человека связано представление не только о сущем, но и о должном, некоем идеале, которого нужно (и можно) достичь. Отсюда открывается физиогномика национально-сакральных ландшафтов, хранящих в себе образы идеального, причем часто в одном геопоэтическом образе присутствуют и сосуществуют идеал и его антипод. В статье под этим углом зрения рассматриваются ключевые тексты русской литературы. У Н. В. Гоголя («Мертвые души») в образе русского (равнинного) пространства таятся тайна Руси и «неестественная власть» пространства над человеком. Тот ужас, который внушала и Н. В. Гоголю, и П. Я. Чаадаеву беспредельность русского пространства, позволяет сравнить их ландшафты с «темными территориями» (в определении Э. В. Надточего). В поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» русское пространство получает координаты социального общежития. На поэму Н. А. Некрасова ориентировался Ф. М. Решетников («Подлиповцы»): его герои, стремясь к «богачеству», из леса идут к реке, в дороге социализируются и на реке находят смерть. Лес и река — вот координаты их родного мира, имеющего финно-угорские корни. Лес и степь выделялись И. С. Тургеневым как основные природные типы русского мира. Однако в литературе XIX в. в качестве русского возобладало скорее равнинное, степное пространство. От Н. В. Гоголя степная тенденция идет к А. П. Чехову, рядом с которым может быть поставлен Д. Н. Мамин-Сибиряк. С востока границей Русской равнины, на юге теряющейся в степных просторах, являются Уральские горы. Главная тайна пространства Урала скрывается в его лесных просторах, закрывающих горы, в недрах которых и таятся богатства. Это «теллурическое» измерение региона Д. Н. Мамин-Сибиряк передает П. П. Бажову. Таким образом, в русском национальном ландшафте присутствуют черты финно-угорского и тюркского этномиров, и каждый из них таит свои темные места.

Ключевые слова: *ландшафт, национальное, русская литература, геопоэтика, метагеография, Николай Гоголь, Петр Чаадаев, Николай Некрасов, Федор Решетников, Иван Тургенев, Антон Чехов, Дмитрий Мамин-Сибиряк*

Как известно, пространственность — одна из сущностных черт т. н. русского мира. С пространством у русского человека (хотя, по-видимому, не только русского) связано представление как о сущем, так и о должном, некоем идеале, которого нужно (и при определенных условиях можно) достичь или же который безвозвратно ушел в прошлое, т. е. сама гетеротопия подобного рода может быть размещена как в прошлом, так и в зачастую легендарном вневременно (таковы неведомое Беловодье, град Китеж, Даурия, «город Игната» и др.);¹ ср. также устремленность старообрядцев, «бегунов», а позже российских крестьян-переселенцев на восток, на лучшие, свободные земли). Национальное неминуемо смыкается здесь с сакральным, выступает его контекстным си-

нонимом, а сама потаенная суть национально-го характера и его региональных подвариантов ярче всего проявляет себя через типический ландшафт в фольклоре и литературе. Иначе говоря, физиогномика национально-сакральных ландшафтов хранит в себе образы идеального и способы их обретения, причем зачастую в одном геопоэтическом образе сосуществуют идеал и его антипод: именно так, напомним, П. Я. Чаадаев рассматривал беспредельность русского пространства («факт географический») — и как существенный элемент «нашего политического величия», и как истинную причину «нашего умственного бессилия».² Характерно, что в начале XX в. русские философы, чрезвычайно много сделавшие для осмысления тайны «русского мира», «русской души» и прочих образных мифологем, сегодня почти стершихся до банальности, нередко мыслили и говорили именно в пространственных категориях — на метагеографическом языке.

¹ Подробнее см.: Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX в. М., 1967. С. 237–326.

² Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего // Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 161.

Вот лишь несколько примеров, взятых почти наугад из работы Н. А. Бердяева «О характере русской религиозной мысли XIX века»: «Россия выходила из (курсив наш — Е. С.) замкнутого и изолированного состояния... Без такого размыкания и выхода в мировую ширь невозможно сознание своего мирового призвания. <...> Он (“наш мыслящий слой” — Е. С.) и начал остро мыслить и философствовать от сознания своей беспочвенности и висения над бездной. Россия окончательно превратилась в необъятное мужицкое царство... <...> Беспочвенной и совершенно свободной мысли раскрылись бесконечные дали»³ и т. д. Он же писал о соответствии «географии физической» и «географии душевной», т. е. чаадаевские наблюдения Н. А. Бердяевым были продолжены, ключевые метафоры переведены в статус философского языка. Сакральность русского пространства в этом языке и стала синонимом национальной идентичности.

Зададимся вопросом, на сегодня, казалось бы, достаточно тривиальным: как раскрывается русский национальный ландшафт в классической литературе, определенным итогом которой стала отечественная философия Серебряного века, и насколько он адекватен тому, что мы понимаем под Россией. Возьмем ключевые тексты русской литературы XIX в., пройдемся по ним пунктиром. Обычно своего рода исходником выступают здесь произведения Н. В. Гоголя, в геопоэтическом отношении прекрасно проанализированные И. Видугирите. Вот знаменитый пассаж Н. В. Гоголя из первого тома «Мертвых душ» (его не коснулось перо исследовательницы). Но прежде не можем не отметить, что прообразом гоголевского беспредельного пространства могут считаться пушкинские строки из «Бесов», с иной, таинственно-ужасной стороны сакрализующие русские просторы: «Еду, еду в чистом поле. / Колокольчик дин-дин-дин. / Страшно, страшно поневоле / Средь неведомых равнин». Но вот Н. В. Гоголь:

«Бричка между тем поворотила в более пустынные улицы; скоро потянулись одни длинные деревянные заборы, предвещавшие конец города. Вот уже и мостовая кончилась, и шлагбаум, и город назади, и ничего нет, и опять в дороге. И опять по обеим сторонам столбового пути пошли вновь писать версты, стан-

ционные зрители, колодцы, обозы, серые деревни с самоварами <...> вороны как мухи и горизонт без конца... Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу: бедно, разбросанно и неприятно в тебе; не развеселят, не испугают взоров дерзкие дива природы, венчанные дерзкими дивами искусства, города с многооконными высокими дворцами, вросшими в утесы, картинные дерева и плющи, вросшие в дома, в шуме и в вечной пыли водопадов; не опрокинется назад голова посмотреть на громоздящиеся без конца над нею и в вышине каменные глыбы; не блеснут сквозь наброшенные одна на другую темные арки, опутанные виноградными сучьями, плющами и несметными миллионами диких роз, не блеснут сквозь них вдаль вечные линии сияющих гор, несущихся в серебряные ясные небеса. Открыто-пустынно и ровно все в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит и не очарует взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? <...> какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?.. И еще, полный недоумения, неподвижно стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онемела мысль пред твоим пространством. Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройти ему? И грозно объемлет меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубине моей; неестественной властью осветились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!..»⁴

Образ родины вначале раскрывается в перечислении мелькающих по сторонам дороги предметов, без какой-либо иерархии, без содержательных связей, затем апофатически — через серию отрицаний всего, чего нет у Руси, что не есть Русь. Затем исчезают и дорога, и какой-либо вещный мир — остается одно пустое пространство, которое и есть «всё», а одновременно это пространство «беспредельной мысли»; оно и вне, и внутри автора-повествователя, по сути, он сам и есть это «могучее пространство», можно сказать, что в какой-то

³ Бердяев Н. А. О характере русской религиозной мысли XIX века // Н. Бердяев о русской философии: в 2 ч. Свердловск, 1991. Ч. 2. С. 5, 6.

⁴ Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 9 т. М., 1994. Т. 5: Мертвые души. Поэма. С. 201.

момент автор отождествляется с ним. Потом, словно очнувшись, он возвращается к точке зрения путника-наблюдателя, фиксирующего пустоту взгляда: «Проснулся — и уже опять перед тобою поля и степи, нигде ничего — везде пустырь, все открыто».⁵ Именно в образе русского, исключительно равнинного пространства, поглощаемого ненасыщаемым путником-дорогой, у Н. В. Гоголя кроется тайна Руси и его (пространства) «неестественной власти» над человеком. Недаром М. Н. Эпштейн говорил о миметической связи образов гоголевской Руси и его же демонологических персонажей, в частности панночки из «Вия», обладавшей той же страшной, «сверкающей» красотой, что и Русь в данном выше пассаже.⁶ А где тайна, там и стремление ее раскрыть, разгадать — обрести власть над ней, как над самим пространством. Поглощая версты, мчится Чичиков, а с ним и автор, движимый страстью власти над пространством и над душами, рассеянными в этом «необъятном просторе». Используя наблюдения И. Видугирите, можно, по-видимому, говорить о том, что, картографируя пространство, Н. В. Гоголь сам обретал власть над его необъятной бессистемностью (дурной бесконечностью, по П. Я. Чаадаеву), поэтому в панорамном, двойственном пейзажном ландшафте, открывающем второй том «Мертвых душ», как пишет исследовательница, столкновение разных типов пейзажей наконец побеждается «гармонической картиной природы и спокойной перспективой наблюдателя просторов мира».⁷

В отечественной культуре как национальный архетип закрепился образ Руси именно из первого тома гоголевской поэмы, фрагмент которого мы процитировали. Насколько он геопоэтичен, если иметь в виду определение геопоэтики, данное Д. Н. Замятиным («...геопоэтика... это некий аутопойэсис земного пространства, т. е. видение себя внутри пространства»)?⁸ Ведь, по сути дела, отталкиваясь от конкретных образов не столько даже самой России, сколько ее заполненности, а потом пустотности, Н. В. Гоголь создает образ метапространства, становящийся полем

и почвой для культурных ландшафтов, созревающих в последующей русской литературе. Используя тезисы Д. Н. Замятина, можно сказать, что это не геопоэтика, а метагеография,⁹ от которой и отталкивался позднее Н. А. Бердяев. Возможна и иная теоретическая параллель. По мысли Э. В. Надточего, исходным посылом всей европейской метафизики пространства является некое «не-место», «темное место», которое в древнегреческой философии было представлено как хора («Тимей» Платона), в иудейской традиции — как Шеол.¹⁰ Приводя знаменитый пассаж В. Н. Топорова о «петербургском тексте» в русской литературе («Петербург — бездна, “иное” царство, смерть, но Петербург и то место, где национальное самосознание и самопознание достигло того предела, за которым открываются новые горизонты жизни... <...> Бесчеловечность Петербурга оказывается органически связанной с тем высшим для России и почти религиозным типом человечности, который только и может осознать бесчеловечность...»),¹¹ Э. В. Надточий пишет: «Вся семиотическая — имперская в своем пафосе — семиотика мира как текста парадоксальным образом основана на отрицательном топосе, своего рода — “не-месте”, Unheimliche-жутком, нечеловеческом, отрицающем человеческое присутствие».¹² Собственно, об этом и говорил упомянутый в начале нашего текста П. Я. Чаадаев, неоднократно подчеркивая непригодность «для жизни разумных существ» «тех обширных пространств, куда забросила нас какая-то неведомая центробежная сила»,¹³ и пытаясь найти философское оправдание и обоснование «этой бедной России, заблудившейся на земле».¹⁴ Пустотное, демоническое пространство Руси/России

⁹ Там же. С. 154–157.

¹⁰ Шеол, как поясняет философ, не просто преисподняя, еврейский аналог ада, но «земля как глубина», «темная территория, проклятое место и пучина» (Надточий Э. В. Темные территории. К критике геопоэтики // Литературоведения очарованная даль: фestsриффт в честь 74-летия профессора Леонида Геллера: в 2 т. Lausanne; Siedlce, 2019. Т. 1. С. 236, 237).

¹¹ Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (введение в тему) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное. М., 1995. С. 260.

¹² Надточий Э. В. Указ. соч. С. 222.

¹³ Чаадаев П. Я. Указ. соч. С. 57, 190. Представление о мигрирующем, странствующем, ищущем некоего места «Я» было свойственно и современнику П. Я. Чаадаева — великому русскому поэту Ф. И. Тютчеву, хотя в ином — торжественном и высоком — смысле («И мы плывем, пылающею бездной со всех сторон окружены»), а также отчасти и И. С. Тургеневу (см., напр., роман «Рудин»); хотя у последних авторов это свойство человеческого «Я» обрело не национальный, а общечеловеческий онтологический смысл.

¹⁴ Чаадаев П. Я. Указ. соч. С. 218.

⁵ Там же. С. 202.

⁶ См.: Эпштейн М. Ирония стиля: демоническое в образе России у Гоголя // Новое литературное обозрение. 1996. № 19. С. 129–147.

⁷ Видугирите И. Географическое воображение. Гоголь. Вильнюс, 2015. С. 218.

⁸ Замятин Д. Н. Метагеография и геопоэтика // Введение в геопоэтику. Одиночные экспедиции в океане смыслов: антология. М., 2013. С. 154.

Н. В. Гоголя также может быть поставлено в этот ряд, и недаром как у П. Я. Чаадаева,¹⁵ так и у Н. В. Гоголя удел России и русского человека — это бесконечная путь-дорога; здесь можно увидеть выражение метафизики человека вообще, обреченного «на пребывание в движении и вопрошание о своем месте в этом неистинном мире».¹⁶

За Н. В. Гоголем следует вспомнить Н. А. Некрасова: в его не менее известной поэме «Кому на Руси жить хорошо» поиск счастья («покой, богатство, честь») осуществляется в пути-дороге, из леса пролегающей к людям, в чисто социальных типах и видах общежития. По-видимому, именно здесь русская пространственная бесконечность трансформируется в спатильность, получает вполне конкретные идеологические и социокультурные символические нагрузки и функции. Неслучайно не столько даже в традиции современной ему литературы, сколько в силу нужной политической тенденции Н. А. Некрасов дал вымышленные названия русских деревень, из которых вышли его странники-искатели («Заплатова, Дырявина, / Разутова, Знобишина, / Горелова, Неелова, / Неурожайка тож»)¹⁷.

На поэму Некрасова ориентировался Ф. М. Решетников, гораздо менее известный широкому читателю, между тем как его повесть «Подлиповцы» (1864) следует рассматривать как поистине экзистенциальный текст русской литературы. Герои писателя, выходцы из вымирающей коми-пермяцкой деревни Подлипная, отправляются в путь-дорогу на поиски, «где будет им лучше, где будет много хлеба, где они будут свободны»,¹⁸ где, наконец, обретут «богачество». Причем поиск их опять реализуется через пространственно-протяженные образы: из леса они идут к реке, в дороге социализируются, обретают ряд полезных навыков, которых были лишены в чердынской глуши, становятся бурлаками и на реке находят свою смерть. Здесь, в отличие от поэмы Н. А. Некрасова, путь мужиков-подлиповцев географически определен: упоминаются важнейшие топосы Пермского края (Чердынь, Усолье, Пермь), бурлакам постоянно сопутствуют реки (Яйва, Косьва, Усьва), по Каме они плывут до Елабуги, где Пила с Сысойкой

нанимаются тянуть барку с железом обратно до Усожья и на этом пути погибают. Река как источник и архетип жизни и смерти, прародитель многих человеческих цивилизаций, важный для России тип геоландшафта, здесь реализует свой амбивалентный ресурс. По рассказам бурлаков, именно река раскрывает тему «богачества» и неведомого подлиповцам технического прогресса: «Плыли долго... Городов много видели... Чудеса. А какие махины бегают по воде-то, с колесами, да с печкой, трубища в сажень, а где и больше... <...> А теперь хлеб там какой есть: белый, — чарский, бают. Все бы ел да ел, дорого только... Какие тамо яблоки да арбузы... Баско! Сладко там!»¹⁹ Но та же река несет подлиповцам, да и другим бурлакам смерть: на реке они надрываются от тяжелого, непосильного труда. Оставаясь для героев сферой сакрального, река предстает в хтоническом аспекте.

Таким образом, тему необозримого русско-российского пространства подчеркивает и претворяет в динамический смыслообраз хронотоп дороги, пути, найти который в этих бесконечных просторах достаточно трудно, но возможно; дорога и путь словно пучком и потоком разбегающихся линий перечеркивают гладь равнин. У Ф. М. Решетникова мифопространство Н. А. Некрасова еще более конкретизируется, обращается во вполне реалистически обрисованный геоландшафт Урала и Приуралья, в нем выделяются определенные города, реки, заводы, хотя не исчезает совсем и пространство мифа, ибо в нем живут и им меряют свою жизнь бывшие подлиповцы. Литературное пространство второй половины XIX в. отчетливо структурируется топографически, и уже благодаря не дворянским поместьям и деревням, почти естественным для природного ландшафта России, а в силу возникающих в нем городских топосов, как натуральных, так и вымышленных: таковы ничейно-общие N и NN, Крутогорск и Глупов М. Е. Салтыкова-Щедрина, Скотопригоньевск у Ф. М. Достоевского, заменяющая город Растеряева улица в повести Г. И. Успенского и т. д. Но в самих их названиях и описаниях акцентируются дубликатность, взаимозамещаемость провинциальных русских городов и местечек (в отличие от собственно Москвы и Петербурга, которых мы здесь не касаемся), как и вообще городских ландшафтов. Неперекрываемость

¹⁵ «Мы все имеем вид путешественников. <...> В своих домах мы как будто на постое...» (Чаадаев П. Я. Указ. соч. С. 41).

¹⁶ Надточий Э. В. Указ. соч. С. 233.

¹⁷ Некрасов Н. А. Стихотворения и поэмы. М., 1980. С. 294.

¹⁸ Решетников Ф. М. Полн. собр. соч.: в 6 т. Свердловск, 1936. Т. 1. С. 42.

¹⁹ Там же. С. 43.

бесконечной равнины городскими «точками» обозначена уже в приведенном выше фрагменте из гоголевской поэмы, хотя самих точек становится все больше и к концу века они очевидно начинают прорывать полотно русского мира.

Что же следует принять за основной тип русского ландшафта? В литературе позапрошлого века в качестве архетипического возобладало скорее равнинное пространство, отчасти связанное со спецификой сугубо среднерусского ландшафта («Среди долины ровныя...»), отчасти — с варварским отношением крестьянского населения страны к лесам. Таков родной ландшафт у И. С. Тургенева, неслучайно от его созерцания, как пишет автор о своем герое, «сердце Аркадия понемногу сжималось» (Аркадий Кирсанов как раз приезжает домой и словно заново видит родные просторы): «Места, по которым они проезжали, не могли назваться живописными. Поля, всё поля, тянулись вплоть до самого небосклона, то слегка вздымаясь, то опускаясь снова. <...> Попадались и речки с обрытыми берегами, и крошечные пруды с худыми плотинами, и деревеньки с низкими избенками под темными, часто до половины разметанными крышами, <...> и церкви, то кирпичные с отвалившеюся кое-где штукатуркой, то деревянные с наклонившимися крестами и разоренными кладбищами».²⁰ В. О. Ключевский выразил непроизнесенную здесь И. С. Тургеневым интенцию — своего рода настроение русского пейзажа подобного рода: «Он припоминает однообразие родного тульского или орловского вида ранней весной: он видит ровные пустынные поля, которые как будто дыбятся на горизонте, подобно морю, с редкими перелесками и черной дорогой на окраине — и эта картина провожает его с севера на юг из губернии в губернию, точно одно и то же место движется вместе с ним сотни верст. <...> Жилья не видно на обширных пространствах, никакого звука не слышно кругом — и наблюдателем овладевает жуткое чувство невозмутимого покоя, беспробудного сна и пустынности, одиночества, располагающее к беспредметному, унылому раздумью без ясной, отчетливой мысли».²¹ Восточно-Европейская, иначе Русская равнина плавно переходит в степь — или степь

в равнину (если двигаться с юга). Степная же традиция от Н. В. Гоголя идет далее к А. П. Чехову, и парадоксальным образом рядом с ним может быть поставлен Д. Н. Мамин-Сибиряк.

Степь А. П. Чехова (родной для него тип ландшафта) неопределенно исторична, мифологична и легендарна, она не принадлежит никому, хотя была местом обитания многих, это пространство перехода и инициации (ср. повесть «Степь»):²² она хранит тайну, материально эквивалентную кладам, оставленным в ней древними народами, что делает ее хтоничной и инобытийной, это пространство жизни богатырей (гоголевский мотив), которых теперь уже нет. Степь Д. Н. Мамина-Сибиряка более конкретна и локальна — принадлежит главным образом тюркским народам (не обязательно кочевникам), но тоже скрывает тайну — «клад Кучума»,²³ древнего властителя Сибири. Таким образом, степь — место встречи Европы (степь А. П. Чехова) и Азии (такова она у Д. Н. Мамина-Сибиряка), вместе составляющих пространство России. Надо сказать, что этот синкретический образ степи также был задан еще Н. В. Гоголем. И. Видугирите пишет: «Граница между Русью и степями Азии, которой не было в физическом пространстве, но которая, надо полагать, существовала в культурном сознании, в геоисторическом повествовании Гоголя стирается. Украинские и Азиатские степи представлены Гоголем через одни и те же образы. <...> Медиаторами пространства между разными степями выступают казаки».²⁴ Добавим, что медиаторами и хранителями фронтального пространства киргизской степи у Д. Н. Мамина-Сибиряка также служат казаки, только не украинские и не донские, как у А. П. Чехова, а оренбургские и уральские. Обратим также внимание на то, что для Н. В. Гоголя степь является естественным типом украинского ландшафта, для А. П. Чехова — южнорусского, для Д. Н. Мамина-Сибиряка — зауральского, «киргизского» (т. е. казахского), и во всех случаях она несет значение границы и перехода в Азию, но в большей степени это ландшафт, родственник тюркским народам.

²² См.: Ларионова М. Ч. Миф, сказка и обряд в русской литературе XIX века. Ростов-н/Д, 2006. С. 189–212.

²³ Рассказ Мамина-Сибиряка «Клад Кучума» (1897) о Западно-Сибирском крае, где живут потомки «покоренной орды» и переселенцы из России. См.: Созина Е. К. Степные клады Д. Н. Мамина-Сибиряка и А. П. Чехова // Имагология и компаративистика. 2019. № 11. С. 213–229.

²⁴ Видугирите И. Указ. соч. С. 168, 169.

²⁰ Тургенев И. С. Собр. соч.: в 12 т. М., 1976. Т. 3: Накануне. Отцы и дети. С. 159.

²¹ Ключевский В. О. Курс русской истории. Лекция 4. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_k/klyucho4.php (дата обращения: 30.11.2019).

С востока границей Русской равнины, на юге теряющейся в степных просторах, являются Уральские горы. Главная тайна пространства Урала скрывается в его лесах, закрывающих горы, в недрах которых и таятся основные богатства. Это «теллурическое» измерение региона (по выражению В. Абашева²⁵) Д. Н. Мамин-Сибиряк передает П. П. Бажову. «Камень, пещера, гора» — таков Урал П. П. Бажова, да и вообще Урал, согласно книге современного автора М. П. Никулиной.²⁶ Писатель 1930-х гг. Н. Н. Никитин, побывавший на Урале и в Екатеринбурге, писал: «Тут пахнет людьми старой веры, крепкого голоса. Кержак — ведь он камень. И страна его тоже камень».²⁷ То, что для Урала и его писателей — гора со своими хтоническими недрами, хранящими богатства, то для А. П. Чехова и его южных пространств — степь, также таящая несметные сокровища, но иного происхождения. Клады Урала заложила в недра гор сама природа, воплощением которой — горной природы и породы — становится у П. П. Бажова Медной горы Хозяйка; клады степи закопаны в землю ее древними, подчас не менее мифологическими обитателями, о которых рассказывают свои истории герои А. П. Чехова. Однако просто идти и искать эти сокровища в надежде, что выйдешь и найдешь (приедешь, приплывешь), бесполезно. Нужно «знать место»: связь степи и горы с сакральным, тайным, одаривающим богатством предполагает целенаправленный поиск, без помощи иных сил оборачивающийся кружением на одном (заколдованном) месте.

И. С. Тургенев выделял лес и степь как главные природные типы русского мира (финальный очерк «Лес и степь» в цикле «Записки охотника»). Что касается леса, то это, как известно, один из основных признаков финно-угорского мира: поклонение деревьям было свойственно многим народам, влившимся в состав России, поскольку лес, парма, а в Сибири тайга — родная стихия проживающих там этносов: коми, удмуртов, мари, хантов, манси и др.; вспомним также вымершие или ассимилированные русскими народы мери, муромы, мещеры и пр. «Лесным царством» назвал родину зырян (коми) П. В. Засодимский,²⁸

в литературе XIX в. за ними традиционно закрепилось имя «лесных людей».²⁹ Главными факторами, повлиявшими на характер этого народа, К. Ф. Жаков считал суровый климат и «обширные леса, покрывающие страну», благодаря чему «бог леса — вэрса — занял центральное место между богами». Именно лесу и охоте «обязан своим развитием» мистицизм зырян,³⁰ реки же были для них путеводными артериями, позволявшими преодолевать огромные лесные пространства.

Таким образом, получается, что русский национальный ландшафт, безусловно имеющий отношение к выражению неких таинственных глубин народного духа, складывается из разных этнических составляющих, имеет сборный характер: это равнина, переходящая в степь (а степь — в основном азиатско-тюркский тип ландшафта), это лес (финно-угорский локус), река (универсально-европейский, но и принципиально важный для финно-угров тип пространства), наконец, это горы, ставшие главной координатой пространственного мира для русских пришельцев на Урал, настоящий «котел» разных народов и этносов.³¹ Горы редки в собственно России, и для русского человека это неожиданный и поражающий тип природного ландшафта. «В горах» — так называет Д. Н. Мамин-Сибиряк один из своих ранних очерков, вводящих тему Урала в отечественную литературу; «За горами» — слово отвечая ему, именуется свой первый сборник 1905 г. уральский писатель И. Ф. Колотовкин. А вот впечатление Дмитрия Оленина, героя повести Л. Н. Толстого «Кавказцы», от встречи с Кавказскими горами: «За Терекком виден дым в ауле; а горы... Солнце всходит и блещет на виднеющемся из-за камыша Терекке; а горы... Из станицы едет арба, женщины ходят красивые, женщины молодые; а горы... Абреки рыскают в степи, и я еду, их не боюсь, у меня ружье, и сила, и молодость; а горы...»³² Горы

²⁵ Абашев В. Русская литература Урала. Проблемы геоэтики: уч. пособ. Пермь, 2012. С. 50; и др.

²⁶ См.: Никулина М. П. Камень. Пещера. Гора. Екатеринбург, 2002. (Очерки истории Урала. Вып. 15).

²⁷ Никитин Н. Столица Урала // Никитин Н. С карандашом в руке: очерки и рассказы. М.; Л., 1926. С. 81.

²⁸ Очерк П. В. Засодимского «Лесное царство» (1878) о путешествии в Зырянский край.

²⁹ Так называли коми многие авторы XIX в.: Ф. А. Арсеньев, П. В. Засодимский, А. В. Круглов, Н. А. Александров и др. В 1887 г. выходит книга А. В. Круглова «Лесные люди. Очерки и впечатления». См.: Созина Е. К. Зырянский мир в русской литературе // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности. Екатеринбург; Ижевск; Сыктывкар, 2014. С. 94, 95; и др.

³⁰ Жаков К. Ф. Под шум северного ветра: рассказы, очерки, сказки и предания. Сыктывкар, 1990. С. 315, 316.

³¹ Мы не упомянули здесь Кавказские горы, с юга ограждающие Россию, и Карпаты, прежде бывшие западной границей империи. Но те и другие — горы очевидно «нерусские», хотя к Кавказу прилегают нынешние Краснодарский и Ставропольский край (раньше земля Войска Донского), и сама судьба России исторически была тесно связана с Кавказом.

³² Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. М., 1979. Т. 3. С. 163.

не уходят из его сознания, выступают той основой, канвой, на которую накладываются все остальные картины и мечты, исполненные удали и молодечества.

С точки зрения основателя геопоэтики К. Уайта, под этой областью человеческого сознания и воображения следует понимать не науку или поэзию, но некое движение, «которое затрагивает вопрос о самих основах бытия человека на земле»,³³ имеющее антиутилитарный и антиурбанистический характер. В узком смысле геопоэтика, по определению В. В. Абашева, это «специфический раздел поэтики, имеющий своим предметом как образы географического пространства в индивидуальном творчестве, так и локальные тексты»,³⁴ складывающиеся главным образом в литературе: она отражает «наиболее представительные культурные ландшафты». ³⁵ Но, как показывает наш краткий обзор произведений русской классики, в самом пространстве России писателям XIX в. подчас открывалось нечто жуткое, не вполне человеческое, в то же время магнетически притягивающее к себе. Это не только Петербург в обобщенном образе В. Н. Топорова, не только Русь Н. В. Гоголя и П. Я. Чаадаева, степь А. П. Чехова или гора П. П. Бажова с их хтоническими, демоническими глубинами. Вся Сибирь, простирающаяся за Уральскими горами, довольно долго вы-

ступала в культуре как место каторги и ссылки, мифологическая «страна мертвых», хотя вместе с тем и как «золотое дно», образ заветного утопического рая.³⁶ Следовательно, базовые геопоэтические, а точнее метагеографические образы России отсылают нас к «негативному основанию» «не-места», которому еще нужно обрести свою геопоэтику, свое место в культуре. Возможно, здесь нужна, как предлагает Э. В. Надточий, «геопроезаика», исследующая другие, «темные» места и территории — не гетеротопии М. Фуко, но темные в онтологическом смысле, принципиально неантропоцентричные: в метафизической географии это греческая «хора», еврейская Шеол, а в реальной — заброшенные, неосвоенные и не подлежащие освоению территории, каких много в России (и в последние годы становится все больше). Но так или иначе, именно литература, а шире — культура — занимается освоением метапространств и гетеротопий страны, земли в целом — обращением их в культурные ландшафты, в предмет поэзиса, ибо, став объектом культурной репрезентации, созерцания и воображения, «темные территории» обретают историю и становятся местами человека. Эту трансформацию метапространства в культурный ландшафт, выражающий специфику национального духа, и демонстрирует нам русская литература прошедших веков.

Elena K. Sozina

Doctor of Philological Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: elenasozina1@rambler.ru

ГЕОПОЭТИКА И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Space is connected with a Russian man's ideas not only of the real, but of a certain ideal, which must (and can) be achieved. This opens a physiognomy of national-sacred landscapes that store the images of the ideal, and the same geo-poetic image often contains the ideal and its antipode. The article examines the key texts of Russian literature from this perspective. In N. V. Gogol's "Dead Souls" the image of Russian (plain) space lurks the mystery of Russia and the "unnatural power" of space over man. The horror that the immensity of Russian space aroused in both N. V. Gogol and P. Ya. Chaadayev makes it possible to compare their landscapes with the "dark territories" (in E. V. Nadtochy's definition). In N. A. Nekrasov's "Who Is Happy in Russia?" Russian space receives the coordinates of social life. F. M. Reshetnikov ("The Podlipnayans") was guided by the poem of N. A. Nekrasov: his characters, striving for "wealth", go to the river from the forest, socialize themselves on the way and die on the river. Forest and river — these are the coordinates of their home world, which has Finno-Ugric roots. I. S. Turgenev marked out forest and steppe as the main

³³ Уайт Е. Геопоэтика как метафизика // Введение в геопоэтику. Одиночные экспедиции в океане смыслов: антология. М., 2013. С. 23.

³⁴ Абашев В. Указ. соч. С. 18.

³⁵ Замятин Д. География русской литературы // Введение в геопоэтику. Одиночные экспедиции в океане смыслов: антология. С. 308.

³⁶ См.: Анисимов К. В. Парадигматика и синтагматика сибирского текста русской литературы (постановка проблемы) // Сибирский текст в русской культуре. Томск, 2007. Вып. 2. С. 60–76.

natural types of the Russian world. However, it was rather plain, steppe space that prevailed as a Russian in the 19th century literature. From N. V. Gogol, the steppe trend goes to A. P. Chekhov, next to whom D. N. Mamin-Sibiryak can be placed. From the east, the border of the Russian Plain, which is lost in the steppes in the south, is the Ural Mountains. The main secret of the space of the Urals is hidden in its forest expanses, covering the mountains, which depths lurk riches. This “telluric” dimension of the region D. N. Mamin-Sibiryak transmitted to P. P. Bazhov. Thus, in the Russian national landscape there are features of the Finno-Ugric and Turkic ethnic worlds, and each of them conceals its dark places.

Keywords: *landscape, national, Russian literature, geopoetics, metageography, Nikolai Gogol, Petr Chaadaev, Nikolay Nekrasov, Fyodor Reshetnikov, Ivan Turgenev, Anton Chekhov, Dmitry Mamin-Sibiryak*

REFERENCES

- Abashev V. *Russkaya literatura Urala. Problemy geopoetiki: uchebnoye posobiye* [Russian literature of the Urals. Problems of geopoetics: a study guide]. Perm: PGNIU Publ., 2012. (in Russ.).
- Anisimov K. V. [Paradigmatics and syntagmatics of the Siberian text of Russian literature (statement of the problem)]. *Sibirskiy tekst v russkoy kul'ture* [Siberian text in Russian culture]. Tomsk: TomGU Publ., 2007, iss. 2, pp. 60–76. (in Russ.).
- Chistov K. V. *Russkiye narodnyye sotsial'no-utopicheskiye legendy XVII–XIX v.* [Russian folk socio-utopian legends of the 17th–19th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1967. (in Russ.).
- Epstein M. [The Irony of Style: The Demonic in Gogol's Image of Russia]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie* [New Literary Review], 1996, no. 19, pp. 129–147. (in Russ.).
- Larionova M. Ch. *Mif, skazka i obryad v russkoy literature XIX veka* [Myth, fairy tale and rite in Russian literature of the 19th century]. Rostov-on-Don: RGU Publ., 2006. (in Russ.).
- Nadtochy E. V. [Dark Territories. To the criticism of geopoetics]. *Literaturovedeniya ocharovannaya dal': festshrift v chest' 74-letiya professora Leonida Gellera: v 2 t.* [Enchanted distance of literary criticism: a festschrift in honor of the 74th anniversary of Professor Leonid Geller: in 2 vols]. Lausanne; Siedlce: Université de Lausanne Publ., 2019, vol. 1, pp. 211–250. (in Russ.).
- Sozina E. K. [Steppe treasures by D. N. Mamin-Sibiryak and A. P. Chekhov]. *Imagologiya i komparativistika* [Imagology and Comparative Studies], 2019, no. 11, pp. 213–229. DOI: 10.17223/24099554/11/9 (in Russ.).
- Sozina E. K. [Zyrian world in Russian literature]. *Permskiye literatury v kontekste finno-ugorskoy kul'tury i russkoy slovesnosti* [Perm literature in the context of Finno-Ugric culture and Russian literature]. Ekaterinburg; Izhevsk; Syktyvkar: UMTs UPI r Publ., 2014, pp. 84–109. (in Russ.).
- Toporov V. N. [Petersburg and «Petersburg Text of Russian Literature» (introduction to the topic)]. *Toporov V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo. Izbrannoye* [Toporov V. N. Myth. Ritual. Symbol. Image. Researches in the field of the mythopoetic. Selected works]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa “Progress” — “Kul'tura”, 1995, pp. 259–367. (in Russ.).
- Vidugirite I. *Geograficheskoye voobrazheniye. Gogol'* [Geographical imagination. Gogol]. Vilnius: Vilnius University Publ., 2015. (in Russ.).
- White E. [Geopoetics as Metaphysics]. *Vvedeniye v geopoetiku. Odinochnyye ekspeditsii v okeane smyslov: antologiya* [Introduction to geopoetics. Solitary expeditions in the ocean of meanings: an anthology]. Moscow: ArtKhays media; Krymskiy Klub Publ., 2013, pp. 19–39. (in Russ.).
- Zamyatin D. [Geography of Russian literature]. *Vvedeniye v geopoetiku. Odinochnyye ekspeditsii v okeane smyslov: antologiya* [Introduction to geopoetics. Solitary expeditions in the ocean of meanings: an anthology]. Moscow: ArtKhays media; Krymskiy Klub Publ., 2013, pp. 308–311. (in Russ.).
- Zamyatin D. N. [Metageography and geopoetics]. *Vvedeniye v geopoetiku. Odinochnyye ekspeditsii v okeane smyslov: antologiya* [Introduction to geopoetics. Solitary expeditions in the ocean of meanings: an anthology]. Moscow: ArtKhays media; Krymskiy Klub Publ., 2013, pp. 154–157. (in Russ.).